

Ван Юань ни за что не хотел уходить.

Еще бы! Он притащился в Ецзин пешком из самого Сучжоу, и все дорожные деньги уже давно тю-тю.

Обед пару дней назад в башне Суй он добыл исключительно притворившись гадателем. А теперь у него в животе урчит так, будто жабы квакают, – с чего бы ему уходить с пустыми руками?

Завидев приближающуюся стражу, он действовал молниеносно: упершись ногами в землю, он одной рукой запихивал за пазуху сдобные лепешки, а заодно прихватил чашу для чая из печи Жуюя и пару нефритовых палочек.

Коль старшая барышня замуж за него не идет, прихватить пару антикварных вещей – дело святое, не так ли?

Сяо Чжочин смотрел на это со скучающим видом и лишь тогда, когда воришка закончил, неторопливо произнес:

– Этот человек промышляет воровством в нашем доме. Взять его.

В первой половине романа этот Ван Юань только и делал, что промышлял мошенничеством да обманом, но в уездный суд его еще ни разу не затаскивали. Раз уж он читал оригинал, то просто обязан восполнить этот пробел в биографии Ван Юаня.

Услышав подобное, Ван Юань ожидаемо взъелся:

– Кто тут ворует-то? Ваша резиденция герцога разве не двери для гостей распахивала? Чо за дела, беднякам жрать уже нельзя?!

Пара стражников скрутила его по рукам и ногам, но поганая пасть парня продолжала молоть чепуху, изрыгая вопли оскорбленного достоинства:

– Слепые псы! Да вы просто родились в рубашке, вот и всё! Слышь, ты, по фамилии Сяо, тридцать лет на восточном берегу, тридцать – на западном... Не смей презирать юнца за бедность?

(Знаменитая китайская поговорка "Тридцать лет к востоку от реки, тридцать лет к западу" означает, что удача переменчива. Фраза "Не презирай юношу за бедность" — классический троп из новелл, где бедный герой в будущем становится всемогущим.)

Эту фразу Сяо Чжочин уже имел сомнительное удовольствие выслушать в прошлой жизни.

Ван Юань аж опешил: «...Какого хрена, ты откуда знаешь?!»

По спине пробежал холодок недоброго предчувствия. Запрокинув голову, он уставился на неправдоподобно прекрасное лицо Сяо Чжоцина, и сердце его тревожно ёкнуло.

Еще когда он только увидел Сяо Чжоцина, ему показалось, что тут что-то нечисто. Теперь же до него наконец дошло.

Эта физиономия, мать вашу, – чистейшее лицо главного героя!

– ...Нефритовая роса из императорских подвалов? – внезапно выпалил он, в упор глядя на Сяо Чжоцина.

Сяо Чжочин даже брови не повел:

– Беден ты или нет, но ты вломился в мою резиденцию. Или мне самому вытряхнуть всё добро из твоих рукавов?

Ван Юань отказывался верить в происходящее:

– Чет и нечет меняют погоду?!

Сяо Чжочин бросил взгляд на застывших стражников:

– Чего стоите?

Охранники тут же подхватили Ван Юаня под белые ручки и поволокли к выходу.

Старые штаны Ван Юаня отчаянно шоркались о синий кирпичный настил, и заднице досталось

знатно:

– Упаковать еду с собой нельзя, что ли? Пустите, капец, да отпустите же вы меня!

Фух, слава богу, этот пафосный мажор из рода Сяо оказался не попаданцем.

В реале он обычным курьером работал, если бы эту династию вдоль и поперек наводнили такие же «гости из будущего», где бы он тогда искал свои читерские преимущества?

Пришлось бы снова возвращаться к батрачеству!

Стражники в два счета вышвырнули Ван Юаня за ворота, где он нос к носу столкнулся с перепачканным оборванцом – мелким нищим.

Замарашка была с ног до головы в грязи, так что и пол-то разобрать было трудно. Этот «нищий» с диким воплем бросился на охрану, пытаясь отбить пленника, и залился звонким девичьим голосом:

– Чё вы творите с братишкой Юанем, а ну руки убрали!

Охранники уже собирались отпихнуть малявку, как вдруг увидели, что к воротам неспешно приближается второй молодой господин.

Сяо Чжочин едва заметно качнул головой, приказывая им не предпринимать резких движений.

Растерянная стража замерла на месте, вынужденная наблюдать классическую сцену спасения героя девицей.

Сяо Чжочин прекрасно знал: этот оборванец – первая ступень в гареме Ван Юаня, сиротка по имени Юнь Циэр.

В отличие от благородных девиц из знатных семей и изнеженных красавиц, эта Юнь Циэр разделяла с героем все тяготы и лишения.

Миловидная внешность, плутоватый характер и абсолютная, слепая преданность Ван Юаню: пока тот прозябал в нищете, она по доброй воле ходила за ним по пятам, рабыней служа своему господину.

Увидев Циэр, Ван Юань тоже запаниковал. Извиваясь в путах, он взревел дурным голосом:

– Опасно же, ты чё, мозги растеряла? Вали отсюда!

Юнь Циэр едва не рыдала:

– Нет! Братишка Юань, я лучше сдохну с тобой в один день!

Охрана: – ...

Они держали притихшего пленника, а эта парочка трагических голубка умудрялась разыгрывать драму прямо посреди улицы, закатывая полноценное представление на зависть зрителям.

Гости всё еще сидели во внутренних покоях, а старшие члены семьи еще не вернулись, но Сяо Чжоцин вовсе не спешил возвращаться за стол.

Он постоял у ворот еще немного, пока со стороны улицы не донесся мерный стук колес и топот копыт. Тогда он повернул голову и отдал приказ своему слуге:

– Фусюэ, встретить.

Кого встречать?

Фусюэ поднял голову.

Четыре коня впереди, пышный балдахин над крышей и торжественная процессия стражи. По всем признакам – не иначе как выезд из резиденции самого Регента.

Фусюэ суетливо зашагал вперед, не забыв прикрикнуть на стражу:

– Чего застыли, тащите его в управу! Устроили тут балаган с воришками прямо у парадного входа, на кого это похоже?!

Получив нагоняй, охранники с новыми силами принялись оттаскивать парочку друг от друга.

Повозка князя Лянь остановилась у ступеней, и из нее вышел человек в роскошных одеждах и с парадным головным убором на голове – это был личный управляющий резиденции князя, Чжао Жун.

Шум у ворот резиденции герцога Янь привлек всеобщее внимание. Чжао Жун сначала почтительно поклонился Сяо Чжочину, а затем озабоченно поинтересовался:

– Второй молодой господин Сяо, позвольте узнать, что здесь...

Неподалеку Ван Юань в отчаянной попытке спастись уже заклинил сам себя между каменными львами у входа в резиденцию, цепляясь за них руками и ногами, и голосил раненой белугой, наотрез отказываясь идти в управу.

Сяо Чжочин опустил глаза, искусно изобразив на лице ровно три унции неподдельного огорчения.

– Прошу прощения за этот фарс перед лицом управляющего Чжао. У нас праздничный банкет, а какой-то сумасшедший пробрался в дом, нес всякую чушь да еще и пожитки прихватить удумал.

Услышав такое, Чжао Жун тут же посерьезнел:

– Слыханное ли дело! Второй молодой господин отмечает такой триумф, а какой-то отребье посмело всё испортить? Не извольте беспокоиться, этот раб сейчас же пошлет людей как следует проучить эту парочку бродяг!

Сяо Чжочин покачал головой:

– Не стоит. Сор из избы выносить не хочется, и ради всего святого, избавьте князя от известий об этом недоразумении.

Чжао Жун закивал:

– Разумеется, разумеется.

Разумеется, он тут же доложит всё в мельчайших деталях.

Сяо Чжоцин прекрасно понимал, что эта ищейка князя Лянь докладывает своему господину о каждом чихе в столице. И он намеренно застрял здесь именно для того, чтобы Чжао Жун стал свидетелем этой сцены.

По лицам гостей за сегодняшним столом он все понял.

Пусть даже в этот раз всё пошло иначе, чем в книге: Ван Юань обломался и только опозорился, – но Сяо Чжоцин собственными глазами видел, как несколько молодых аристократов поглядывали на этого прощелыгу с явным интересом.

Именно эти мажоры впоследствии станут «лучшими корешами» Ван Юаня, которые будут спонсировать его в самые мрачные дни и таскать по закрытым борделям.

То, как Ван Юань кутил с ними, Сяо Чжоцина волновало мало. Куда больше его заботило то обстоятельство, что именно князь Лянь открывал перед Ван Юанем все двери.

Сам он сумел заручиться поддержкой регента лишь потому, что приглянулся тому. Но что, если регент возненавидит Ван Юаня еще до того, как вообще обратит на него внимание?

Закончив с дежурными расшаркиваниями перед Сяо Чжоцином, Чжао Жун торжественно извлек из повозки лакированную шкатулку.

– Его Высочество узнал, что второй молодой господин занял первое место на экзаменах, и велел передать скромные поздравления. Прошу вас, сделайте милость, примите.

Шкатулка из желтого самшита была украшена резьбой в виде злобных цилиней. В прошлой жизни Сяо Чжоцин даже крышку открывать не стал.

Род герцога Янь веками славился безупречной репутацией и верностью принципам. Из поколения в поколение у них рождались выдающиеся мужи, вот только на государственной службе почти никто из них не задерживался.

Десять лет назад покойный император внезапно скончался, и князь Фэн Болянь, подмяв под себя малолетнего монарха, захватил единоличную власть в стране. Сяо открыто презирали его методы и наотрез отказывались пачкать руки сотрудничеством с узурпатором.

На текущий момент из всего клана Сяо при дворе состоял лишь старый герцог Сяо Цзун, заседавший в Гоцзыцзяне. Отец же Сяо Чжоцина, Сяо Шичэн, еще десяток лет назад добровольно отказался от титула наследника ради того, чтобы скитаться по горам и рекам, слагая стихи и песни.

Сам же Сяо Чжоцин пошел на столичные экзамены исключительно ради шутки и пари с товарищами.

В прошлой жизни Фэн Болянь точно так же прислал ему щедрые дары вкупе с посулами высоких чинов, отчаянно пытаясь перетянуть молодого талантливого кандидата наук на свою сторону.

Тогда Сяо Чжоцин, разумеется, отвернулся от подношений, вернув их до последней вещицы.

Вот только позже он выяснил, что всесильный регент Фэн Болянь оказался не более чем главным чистером в арсенале Ван Юаня. Его баснословное богатство, бескрайняя власть и цепкие щупальца, опутавшие весь чиновничий аппарат, стали надежным трамплином для восхождения Ван Юаня на престол.

А главным препятствием на пути этого ублюдка неожиданно стал...

Сяо Чжоцин приоткрыл самшитовую шкатулку: на роскошной чернильнице из династии Цянь, стоявшей целое состояние, лежала запечатанная золотом императорская грамота.

– Это?.. – Сяо Чжоцин поднял глаза.

Чжао Жун улыбнулся:

– Спустя три дня Ваше Величество изволит давать пир в Нефритовом зале, куда приглашены все сановники и новые кандидаты наук.

Банкет от имени императора.

Кто ж не знал, что после переворота десятилетней давности малолетний император замкнулся в себе, сделался угрюмым и молчаливым, а за все эти десять лет вообще переставал появляться на публике – с какой стати ему устраивать пиры для чиновников?

Все эти «императорские приемы» на деле были лишь средством для регента прибрать к рукам новоиспеченных выпускников академии.

В прошлой жизни Сяо Чжоцин даже не стал вскрывать шкатулку, однако указ всё равно доставили в резиденцию в ту же ночь.

Нажим со стороны регента был слишком очевиден: откажись Сяо Чжоцин явиться на пир, это сочли бы за прямой отказ повиноваться высочайшей воле.

Но Сяо Чжоцин отнюдь не принадлежал к тем, кого можно запугать.

Он демонстративно воскурил благовония перед императорским указом, а в ночь самого банкета в Нефритовом зале тихонечко улизнул из дома, чтобы в одиночестве напиться на лодке посреди реки Ешуй. На следующий день он явился во дворец с повинной, заявив, что так нажрался на реке, что бессовестно проспал все празднества.

Мужи из рода герцога Янь славились эксцентричностью и пренебрежением к условностям, некогда за это их даже превозносил император Тай-цун, а столица охотно копировала их выходки, считая это верхом изысканного вкуса. Против такого оправдания Фэн Болянь возразить ничего не мог.

Ему пришлось проглотить эту пилюлю, отказаться от идеи приручить столь строптивого жеребца и сослать Сяо Чжоцина подальше – в академию Ханьлинь, пыль архивов перебирать.

На сей раз, проживая жизнь заново, Сяо Чжоцин вовсе не планировал сдаваться в лапы Фэн Болянью.

Однако...

Он бросил взгляд на императорский указ, изобразив на мгновение растерянность, а затем

благоговейно принял шкатулку обеими руками, продемонстрировав подобающую случаю наивную почтительность.

– Раз такова воля Его Величества, этот подданный безропотно подчинится.

В «Попирающем князей» тем самым единственным оплотом полуразвалившейся империи, годами сдерживавшим Ван Юаня, был именно этот молодой император по имени Фэн Юаньси, которого регент держал в марионетках, а чиновники давным-давно списали со счетов.

В прошлой жизни, прослужив три года в академии Ханьлинь, Сяо Чжоцин лишь пару раз издалека видел юного правителя во время масштабных празднеств.

О самом Фэн Юаньси он знал немного: лишь то, что судьба его была горькой. К тому моменту, когда он полноценно появляется в романе, император уже был смертельно болен, истощен старыми хворями, озлоблен и безумен до такой степени, что цеплялся за остатки жизни лишь ради того, чтобы утянуть за собой небеса.

Но в памяти Сяо Чжоцина этот юный император, с которым они пересекались лишь пару раз, еще не казался столь хрупким и надломленным, как описывалось в книге.

Когда же он успел дойти до такого состояния?

А что, если ему удастся отвести от правителя уготовленную злой судьбой гибель, помочь ему накопить силы в тени, а уже потом вместе сокрушить предначертанное Ван Юаню величие?..

Сяо Чжоцин встретился взглядом с Чжао Жуном, и оба они, затаив собственные тайные мысли, обменялись широкими, приветливыми улыбками.

<http://bllate.org/book/18810/1865671>